

нужно быть **Гением**, чтобы сделать производство алкоголя **убыточным**

В Совете Федерации снова говорили об алкоголе (24 сентября). Народу было немного. Ещё меньше было настоящих специалистов своего дела. Зато на встрече в СФ хватало так называемых «холодных сапожников», которые жалились, что им не дают проверять, не дают требовать, не дают доводить дело до конца. По сути, после первых двух выступлений (Дробиз&Попович) Конференцию в СФ можно было закрывать. И так всё ясно...

Кому пожар, кому погреться

По материалам выступления в Совете Федерации нашего постоянного автора (рубрика «Всё не так»), создателя аналитической ЦИФРРы Вадима Дробиза

Первое «всё не так». Государство и общество считает алкогольное дело порочным. Поэтому когда речь заходит о социальной ответственности, то сразу подразумевают дополнительные выплаты производителей спиртного в пользу общества — помимо акцизов и прочих налогов. Так убивают курицу, несущую золотые яйца.

Второе **«всё не так».** Мы прекрасно осознаём, что алкоголизация населения — это беда и трагедия России. Наиболее уязвимы малоимущие и молодежь. Потреб-

ление алкоголя в России крайне неравномерно: 25% потребителей выпивает 50% алкоголя (по 40 литров абсолютного алкоголя в год на одну грешную душу), а 75% — это потребители умеренного типа — по 11–12 литров в год в среднем на выпивающего и пьющего (как и на Западе). Так что **не надо твердить, что русские — пьяницы, каких свет не видывал. Россия не входит даже в первую десятку пьющих стран мира.**

Третье. Кризис, он, знаете ли, не в карманах, а в душах. В мозгах. В нежелании и неумении Власти хоть что-то изменить к лучшему и самой измениться к лучшему. Это факт. Государство слишком долго не хотело общаться с производителями алкоголя и его союзниками, и они угасли.

Главные причины сегодняшней алкоголизации — нищета и бедность значительной части населения и безработица. В кризис эти явления только нарастают (и не только в России); сегодня по всему миру растёт потребление дешёвого крепкого алкоголя.

О госмонополии — ГМП. Вопрос ГМП — красиво звучит, но ни экономически, ни административно это не осуществимо. Более того, ни проблему алкоголизации, ни проблему нелегального рынка она решить не может. И наше выступление против ГМП — это не антигосударственная позиция, а продиктованная всё той же социальной ответственностью позиция. От ГМП будет ещё хуже не только бизнесу, но и государству, и обществу.

Итак, тост «за Кудрина». Но когда вы всё-таки дернете «за Кудрина», призадумайтесь, что дело не в отсутствии денег. А совсем-совсем в другом. Бессмысленно вводить госмонополию на спирт, если этой системе всё равно придётся обеспечивать производство минимум половины объёма нелегального спирта в России (как это делает сегодня с большим успехом украинская госмонополия на спирт). От введения монополии на спирт спрос населения на нелегальную алкогольную продукцию и её суррогаты не изменится. Более того, этот спрос в кризис только растёт. И 2010 г. будет гораздо более трудным в социальном плане, чем нынешний. И власть это, наконец-то, поняла.

Мы не противники монополии хотя бы на спирт. Да сколько угодно! Но сегодня получится очень негативная, да ещё и дискредитирующая власть конструкция. И государство ни денег с этого не поимеет, ни политических плюсов. Монополия на спирт будет вынуждена поддерживать рынок нелегального спирта и водки. Сначала надо обелить рынок, а уже потом вводить ГМП на спирт. А не наоборот.

Без обеспечения легальной алкогольной продукцией всех социальных слоев России любая алкогольная реформа России — утопия. Когда всё начиналось в 2000 или даже в 1992 году, и стали расти цены на нефть, а государство стало богатеть, то на маргиналов просто перестали обращать внимание. Ну, пили там 20 млн человек дешёвую нелегальную водку и суррогаты, и Бог с ними! Но эти людишки оказались неистребимы. О чём все эти годы свидетельствует стабильный рынок нелегальной и легальной водки: 130 миллионов декалитров легальной выпивки и 65 — нелегальной. Плюс суррогаты, а это ещё 60 млн дал в год.

Но вот маргинальность алкогольного рынка в России начала резко расти. Легальный рынок потерял в 2008-м году 10 млн декалитров крепкой выпивки, а в 2009 потеряет ещё около 15 млн дал. Процесс необратимый, как падение уровня жизни населения и его доходов. В 2010 легальный рынок потеряет ещё не менее 8 млн дал; итого всего за 3 года — 33 млн дал!

Значит, сначала власть должна: а) просто признать существование нелегального рынка и его причины, б) легализовать его, в) а затем уже легальными методами регулировать максимально легальный рынок, вплоть до разумного сокращения потребления, менять потребительскую структуру рынка.

Когда в стране насчитывается 20–30 миллионов алкогольных маргиналов, и число их в кризис только растёт, то отмахиваться от этих людей некрасиво и экономически опасно.

НИКИТА БАРАШЕВ ПИСЬМА ИЗ РИМА

Наш политический обозреватель по крепким и прочим напиткам в Риме **Никита Барашев** продолжает отвечать на письма наших читателей

1 о борьбе за трезвость

Сейчас в России снова взялись за трезвость. Не понимая того, что страна пьёт от безнадёги! Подари человеку надежду, и он чуток оклемаётся. Даже ослу вешают перед носом морковку. Пусть даже картонную, бутафорскую. А вот нашему, русскому ослу повесили вместо морковки — бутылку. А потом удивляются!

Иванов — Люксембургер

Когда я ещё жил и работал в СССР, в «Правде», на всякий случай, Жванецкий говорил про антиалкогольную борьбу тех лет: это не борьба и это не результат. На самом деле это и есть результат! Результат абсолютно тупоголовой борьбы с пьянством. В Италии, например, **ни президент, ни тем более премьер не борются с пьянством.** Они себя этим вопросом просто не утруждают, поскольку это — не актуально. Здесь **власть и правоохранительные органы борются с другим и за другое — за качественное вино.** А «фальшивомонетчиков» мордой об стол — и все дела. Ведь, согласись, хорошее вино — не только престиж и экспорт, который даёт и стране, и производителю солидный доход. Это в первую очередь — **защита печени нации.** Что тут непонятного-то?

Поэтому, если бы меня спросили, что делать у нас с циррозом и алкогольной смертностью, я бы однозначно ответил: **на высококачественный продукт — никаких пошлин!**

Никита Барашев (справа)

Значит, алкогольная реформа должна быть направлена на обеление алкогольного рынка. А антиалкогольная – на снижение потребления и ограничения доступности. И они не должны противоречить и мешать друг другу. Про рыночную реальную экономику они знают из газет, из умных западных книг о капиталистическом рынке, статистических отчётов и т.д. Посмотрите на состав Минэкономразвития России последних лет... И это те, кто должен был думать о развитии экономики в России?!!! О какой стратегии может идти речь, если ты не знаешь тактики?

Почему же не так мудро государство? Да всё потому, что и в правительстве, и в Думе явно недостаточно людей с практическими навыками управления в условиях рыночной экономики. Всё больше партийные функционеры, лоббисты и т.д.

Так пусть государство делает для этой группы на госзаводах (монопольно) легальную безакцизную водку невысокого качества и продаёт в рознице по 35 рублей (не дороже) из спирта «Экстра», жёсткую, а не мягкую. Жёсткая водка в советское время была в порядке вещей. Сегодня её такую будут пить только представители низшего контингента. Они всё равно ни при каких условиях не перейдут на водку по минимальной легальной цене – в 85–90 руб., как не делают этого сегодня. А те, кто пьют водку легальную сегодня, по этой же причине не перейдут на жёсткую невкусную водку для плебса. Зато в этой ситуации проблема максимальной легализации будет решена. Больше, чем пьют сегодня, не выпьют. Меньше – тем более. Жизнь этой группы населения не располагает к этому. И третье. Нужно правильно расставить акценты в начавшейся бессистемно антиалкогольной компании. Нужно понять, что антиалкогольная затея ЦК (1985–1990) снизила в два раза лишь официальные показатели потребления, а не реальные, и что эта кампания была лишь одним из факторов роста продолжительности жизни. В СССР люди верили, сейчас – нет. Фактор социальной надежды был не менее важным в тот период. А в результате ошибочности антиалкогольной политики государства в тот период мы получили популизм новых инициатив Кремля и Белого дома. Ибо! Ибо антиалкогольные кампании в России имеют больше негативных последствий, поскольку проводились именно как кампании. Именно бездарно проведённая антиалкогольная кампания 1985–1988 привела к плачевному изменению структуры потребления алкоголя в России.

Вадим Дробиз: всё не так

В 1984 году страна пила по 20 литров нормального вина в год, 20 – пива, 13 – крепкого алкоголя.

1995 год: 3 литра, три жалких литра вина в год, 15 – пива и 14 – крепких напитков и суррогатов.

2008 год – 6–7 литров вина, зато: 80 – пива и около 15 литров крепкого и суррогатов.

Пиво не смогло в структуре алкоголя заменить крепкий алкоголь. И мы пришли от винно-водочной модели России к преступной водочно-суррогатной структуре нашего застолья.

А ведь только вино должно и может стать частью алкогольной госполитики в снижении алкоголизации населения.

Ни экономически, ни административно в кризис (и до него) государство противостоять нелегальному рынку водки не может и не хочет.

Напрашиваются страшные выводы. Кто и почему сохраняет именно такую алкогольную политику? – Значит, кто-то сознательно (зная, что водку пить не перестанут) сознательно!!!! повышал акциз, тем самым увеличивая заработок тех, кто кормится с производителей и продавцов нелегальной водки. Рынок малоимущих был просто предан государством и отдан на откуп нелегальному рынку, где он счастливо и пребывает до сих пор.

Ещё раз для тех, кто не понял. Сегодня на первом плане не просто проблема нелегального алкогольного рынка, а проблема малоимущих, численностью не менее 50 млн. И именно поэтому провалится в России любая алкогольная реформа, направленная на снижение нелегального рынка алкоголя. А раз он сохранится, то бессмысленно вводить какие-то лицензирования перевозки спирта, сказочно-мифические госмонополии и т.д.

Между прочим, если говорить о ценах, то водка в России относительно минимальных и средних зарплат стоит столько же, сколько в Скандинавских странах, где почему-то традиционно считается очень дорогой. Так что цена не является определяющим фактором алкоголизации. Во всем мире есть алкоголь для малоимущих, **но только у нас пьют технические суррогаты.** Плюс коррупционная составляющая, которая присутствует в алкогольной политике государства уже много лет (спрос на дешёвую нелегальную водку и суррогаты поддерживается неразумной акцизной политикой и ценой на легальную продукцию).

Говорить правду государству о его политике – это тоже наша социальная ответственность. Алкогольная политика должна перестать быть монологом государства, а должна стать диалогом государства и хорошо разбирающегося в этих вопросах бизнеса.

Главное из Леонида Поповича. Вино – это то, что делается из винограда. И точка! Между тем, виноград – это продукт сельскохозяйственный. Кто бы спорил!

Значит, вино – это конечный продукт долгой и трудной работы крестьянина. Только на последней фазе (сбор урожая) виноградинка превращается в вино, смывая крестьянский пот.

Между тем жутким Указом № 171 в 1995 году вино стало промышленным, а не сельским товаром. И на вино стали смотреть с точки зрения градуса, с точки зрения акциза, а не с единственно верной точки зрения.

Если не вернуть вино в прежнее – сельское «стойло», толку не будет.

Из этой, казалось бы, малости и вырастают все проблемы. Виноградом занимается Министерство сельского хозяйства, но минсельхоз не занимается теперь вином. Вином занимаются другие – все, кому не лень. (Это напоминает опасный цирковой номер, подчёркивает наш журнал «Русская водка+» – плюс вино, когда цирковая наездница скачет по манежу, стоя на двух лошадях. Едва эти лошадики разбегаются в разные стороны, как гимнастка больно падает на манеж). Так и русское виноделие который год бьётся ж... об асфальтовые наши министерства и ведомства, рождая жутко неправильный миф о том, что «в России нет и не будет приличного вина».

Неправда ваша, утверждает Леонид Попович. Вот в Дагестане всерьёз взялись за свои виноградники и выдали в этом году урожайность по 110 центнеров винограда с гектара (при общероссийской урожайности примерно вдвое ниже). Да если вся Россия поднимется хотя бы до уровня дагестанского, проблемы с вином в России практически не останутся.

«Русская водка+» дополняет выступление уважаемого земляка: работа самого Поповича по созданию прекрасного Миллеровского винзавода на самой северной границе русского виноделия в Ростовской области говорит о том, что возможно всё. Как говорится, «и на Марсе будут яблони цвести». Только вот Его Величество Чиновник не пускает нас ни на Марс, ни пониже.

Все остальные выступления в Совете Федерации показали нашему обозревателю откровенно неинтересными и ненужными. Порок заложен не на виноградниках и не на водочных заводах. Вся неправда – в законодательной нашей системе. Значит, нужно менять причину, а не следствие этих причин. И не надо, как говорится, «ля-ля!» Мы все эти «ля-ля» слышим лет двадцать. Это всё равно что месить воду в ступе.

Зануда

Р. С.

Все эти годы борьбы со здравым смыслом и за здравый смысл задаюсь вопросом: почему ИМ не понятно то, что давно понятно НАМ? Видимо, у нас разные цели и задачи: у них – удержаться, у нас – их сбросить. Или заставить работать.

ПИСЬМА ИЗ РИМА
НИКИТА БАРАШЕВ

Повторяю, употребляют в Италии не для того, чтобы, как у нас, забалдеть и отлучиться на время от действительности, а чтобы получить дополнительное удовольствие от обеда или ужина. Ну, иногда ещё, конечно, за душевным разговором, чтобы украсить беседу или «растопить лёд» с желаемой донной.

До того как Италия вошла в Евросоюз, здесь за баранкой можно было смело выпивать. На этот счёт местная дорожная полиция тебя даже не проверяла. Дескать, сам не маленький! Зато если ты по собственной милости совершишь дорожное преступление – пеняй на себя.

Так вот, в те времена автомобильных ЧП по пьяному делу практически не было. Ни среди итальянцев, ни среди моих русских коллег. А ведь мы, говоря откровенно, иногда брались за руль очень хорошенькими.

Расскажу такой случай. Как-то, мы по-взрослому отметили день рождения коллеги-тассовца. В общем, выезжал я от него глубокой ночью, буквально не видя дальше капота. Руль, конечно, мобилизует и всё такое, поэтому вскоре уже многое различал, однако всё равно забросила меня нечистая в какие-то незнакомые римские новостройки. Словом, я полностью заблудился, хоть караул кричи.

Вдруг, смотрю – стоит полицейская машина с мигалками. Как я ей обрадовался! Наверное, так радуется, поставившая на себе крест, жертва кораблекрушения, когда её снимают с бочки в открытом море.

Так, вот. Подгребаю к стражам порядка в надежде выпросить дорогу домой. Открываю дверь, чтобы выйти. Но тут нога предательски зацепилась за порожек, и я не вышел, а вывалился из машины, как мешок сам знаешь с чем. Прямо вреясы очи полицейских. И что? Они поставили меня в вертикальное положение, тщательно отряхнули и без злорадства спросили:

– С вами все в порядке, синьор?

– Безусловно! – довольно бодро ответил я, выбросив в нежную свежесть предутренней атмосферы такую мощную смесь ядовитых паров, что от неё, наверное, впала в кому половина мирно спящего населения, не чующего беды микрорайона.

Короче, никто меня в каталажку не бросил, не арестовал, водительских прав не лишил, взятку не вымогал, а, напротив, полицейские, выдержав газовую атаку, помогли мне без приключений добраться домой, любезно предложив следовать за их «канарейкой».

Единственно, о чём они меня настоятельно попросили, так это о том, чтобы «быть повнимательнее за рулём», пока они будут сопровождать меня по адресу.

К чему я всё это? Да к тому, что, по-моему, не с пьянством «богатырям» надо биться, а с «соловьями разбойниками» – хапугами всех мастей, которые превратили жизнь простых людей в «школу выживания»... Вот это должно быть главной заботой президентов и премьеров всех времен и народов. Ведь очевидно же, что **рецепт от пьянства – достойная и уважаемая жизнь.**

